

Елизаренкова Т.Я. “Ригведа” – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I – IV. – М.: Наука, 1989. – С. 426 – 543.

Есин Ю.Н. О семантике окуневских изваяний // Мартыановские краеведческие чтения (1989 – 1999). – Минусинск: Март, 1999а. – С. 144 – 148.

Есин Ю.Н. Биконические фигуры в древнем искусстве Сибири (по материалам самусьской и окуневской культуры) // Международная конференция по первобытному искусству. – Кемерово, 1999б. – Т. 1. – С. 139 – 147.

Есин Ю.Н. Универсальный космический знак окуневского искусства // Международная конференция по первобытному искусству. – Кемерово, 2000а. – Т. 2. – С. 112 – 120.

Есин Ю.Н. Изваяние из с. Верхний Аскиз и проблема хронологии изображений окуневской культуры // Вестн. Сиб. ассоциации исследователей первобытного искусства. – 2000б. – Вып. № 3. – С. 18 – 21.

Есин Ю.Н. Семантика изображений рта в окуневском искусстве // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 229 – 232.

Кейпер Ф.Б.Я. Труды по ведийской мифологии. – М.: Наука, 1986. – 195 с.

Ковалев А.А. Могильник Верхний Аскиз I, курган 2 // Окуневский сборник. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 80 – 113.

Кубарев В.Д. Антропоморфные хвостатые существа Алтайских гор // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 150 – 169.

Кызласов И.Л. Лик Вселенной: к семантике древнейших изваяний Енисея // Религиозные представления в первобытном обществе. – М.: Б.и., 1987. – С. 127 – 130.

Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 296 с.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 19 – 64.

Леонтьев Н.В. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 88 – 118.

Леонтьев Н.В. Стела с реки Аскиз (образ мужского божества в окуневском изобразительном искусстве) // Окуневский сборник. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 222 – 236.

Леонтьев Н.В. Сакральные календарные мотивы в памятниках искусства окуневского времени // Международная конференция по первобытному искусству. – Кемерово, 2000а. – Т. 2. – С. 143 – 149.

Леонтьев Н.В. Образ мировой горы в памятниках искусства окуневской культуры // Гум. науки в Сибири. – 2000б. – № 3. – С. 30 – 35.

Мачинский Д.А. Уникальный сакральный центр III – середины I тыс. до н.э. в Хакасско-Минусинской котловине // Окуневский сборник. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 265 – 287.

Окладников А.П. Миниатюрные изваяния Минусинской степи // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 58 – 63.

Подольский М.Л. О мировоззренческих особенностях сибирского изобразительного искусства эпохи бронзы (окуневские личины) // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. – Томск: Изд-во ТГУ, 1985. – С. 111 – 114.

Подольский М.Л. Окуневские изваяния и оленные камни // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 127 – 133.

Рабинович Е.Г. Середина мира // Мифы народов мира. – М.: Рос. энцикл., 1994. – Т. 2. – С. 428 – 429.

Савинов Д.Г. Антропоморфные изваяния из южной части Аскизской степи // Окуневский сборник. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 213 – 221.

Студницкая С.В. Тема космической охоты и образ фантастического зверя в изобразительных памятниках окуневской культуры // Окуневский сборник. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 251 – 262.

Топоров В.Н. Ведийское *Rtá*: к соотношению смысловой структуры и этимологии // Этимология, 1979. – М.: Наука, 1981. – С. 139 – 156.

Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 227 – 284.

Топоров В.Н. Рита // Мифы народов мира. – М.: Рос. энцикл., 1994. – Т. 2. – С. 384.

Фридрих И. Дешифровка забытых письменностей и языков. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 207 с.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие южносибирские мифы в памятниках окуневского искусства // Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, 1971а. – С. 165 – 180.

Хлобыстина М.Д. Культовая символика петроглифических рисунков в культуре ранней бронзы Южной Сибири // СА. – 1971б. – № 1. – С. 73 – 81.

Хлобыстина М.Д. Тотемно-космогонические образы в искусстве южносибирской бронзы // Первобытное искусство: У истоков творчества. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 155 – 163.

Хлобыстина М.Д. Культурная раннекотловодческих племен бассейна Абакана // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1979. – С. 36 – 46.

Худяков Ю.С. Космогонический миф раннего бронзового века на Енисее // Актуальные проблемы сибирской археологии. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1996. – С. 27 – 29.

Материал поступил в редколлегию 13.10.2001 г.

ТАЛАКАНСКАЯ КУЛЬТУРА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ЗАПАДНОМ ПРИАМУРЬЕ (по материалам стоянки Усть-Талакан на реке Буре)*

Введение

Как известно, река Амур делится на зоны верхнего, среднего и нижнего течения. Однако данные по этнокультурной истории раннего железного века и начальных этапов средневековья позволяют выделить в регионе два больших этногеографических района – Западное и Восточное Приамурье. Естественной границей между ними является хребет Малый Хинган.

В настоящее время в археологии среднего Амура, его западного очага, между финалом урильской культуры (V в. до н.э.) и началом эпохи средневековья имеется большая хронологическая лакуна, равная по времени периоду существования в соседнем восточном районе польцевской культуры. Смена в Восточном Приамурье на кукелевском этапе польцевской культуры (IV в.) мохэской, представленной памятниками благословеннинско-найфельдской группы, признается многими исследователями. В Западном Приамурье памятники польцевской культуры пока не обнаружены, найдены лишь отдельные предметы. Самыми ранними памятниками эпохи средневековья в этом регионе являются поселения и стоянки михайловской культуры, принадлежащие в этническом плане племенам северных шивэй (бэй, бо, шэньмода) и датируемые III – X вв.

Возможность закрыть временной разрыв появилась с открытием талаканской культуры, получившей свое название по стоянке Усть-Талакан на р. Буре, где были впервые найдены целые сосуды талаканс-

кого типа. Культура выделена по особому керамическому комплексу, получившему распространение в пределах Западного Приамурья, и серии абсолютных дат, которые охватывают период, синхронный существованию в Восточном Приамурье польцевской культуры. В настоящее время известно 19 пунктов с находками данной керамики на территории от устья р. Шилки (жертвенник у писаницы Средне-Шайкино [Мазин, 1986, с. 170]) на северо-западе до расположенного на правом (китайском) берегу Амура, в 11 км ниже устья Буреи, местонахождения Цзючэн [Чжан Вэй, Фань Чжуньцзэ, Сунь Шимин, 1997, с. 35] на юго-востоке (рис. 1).

Типология талаканских жилищ

Предлагаемая характеристика талаканской культуры основана на материалах единственной раскопанной полностью на данный момент стоянки Усть-Талакан (жилища 1, 4 – 7, яма-погреб 4), которая была сезонной, что обусловило малочисленность предметного комплекса. Исследованные жилища талаканской группы делятся на два типа.

Тип 1. Жилища с котлованом (1, 4, 6). Прямоугольные в плане котлованы выкапывали на глубину 50 – 100 см. Все конструкции данного типа не имели рамы-основы. Стенки котлована, укрепленные вертикально поставленными листами бересты, горизонтальными плашками (жилище 1) и частоколом (жилище 6), одновременно служили и стенками жилища. Скорее всего, из нижних углов котлована выводились четыре жердевых стропила, остатки которых найдены во всех жилищах. В жилище 6 они были установ-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 00-01-351.

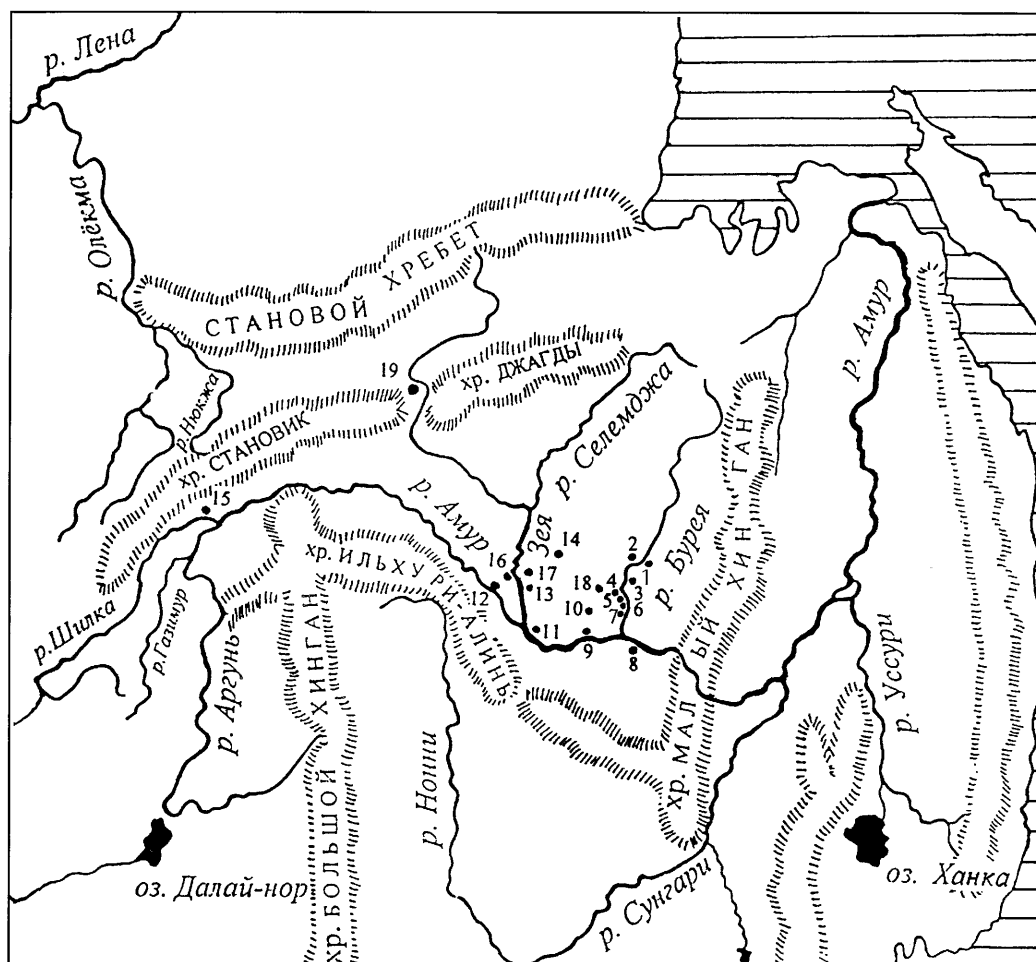

Рис. 1. Карта-схема размещения пунктов с находками керамики талаканского типа в бассейне Амура. 1 – Усть-Талакан, 2 – пос. Талакан, 3 – Сухие Протоки-2, 4 – Букинский Ключ-1, 5 – Безумка, 6 – Большие Симичи, 7 – Малые Симичи, 8 – Цзючэнь (КНР), 9 – г. Шапка, 10 – Михайловское городище, 11 – Гродековское городище, 12 – Алексеевский Бугор, 13 – Семиозерка, 14 – Томское, 15 – Средне-Шайкино, 16 – Прядчино, 17 – Великокнязевка, 18 – Болдыревка, 19 – район г. Зея.

лены с наклоном внутрь жилого пространства под углом 52° . При перекрытии скатов кровли использовали длинные плашки, которые своими нижними концами упирались в верхний край котлована. Их верхние концы могли поддерживаться поперечной плахой, укрепленной между двумя стропилами (или верхней рамой-обвязкой). Похожий элемент конструкции зафиксирован в жилище 6. Деревянную крышу укрывали листьями бересты, а затем дерном. Другой способ перекрытия скатов кровли, видимо, предполагал использование только бересты или шкур (жилище 1). Исходя из конструктивных деталей, можно сделать вывод о типологическом разнообразии жилищ.

Подтип 1.1. К нему относится жилище 1. Его особенность – подквадратная в плане форма ($6,0 \times 6,8$ м). Очаг находился в середине помещения. Чашевидное дно очага выстлано берестой и присыпано песком. Стены котлована отгорожены от жилого пространства листьями бересты. Перекрытие скатов крыши – из легкого материала (рис. 2, 1).

Подтип 1.2. К нему относится жилище 4 (рис. 2, 3). Имеет четкую прямоугольную в плане форму. Перекрытие скатов кровли выполнено из поставленных под углом плах, укрыто берестой и засыпано грунтом (дерном). Очаг округлой формы обложен по периметру речной галькой [Джалл и др., 1996, с. 31].

Подтип 1.3. К нему относится по форме очень близкое к квадрату жилище 6 (рис. 2, 2, 3). Оно имеет очень глубокий (до 1 м) котлован. Стенки котлована обшиты частоколом из вертикальных плах и бревнышек. Особенностью данного жилища является длинный (2,25 м) и узкий (47 – 80 см) вход-коридор, который отделен от жилого пространства ступенькой (высота 12 см) и имеет плавный подъем к выходу на поверхность. Перепад между нижним и верхним концами коридора составляет 19 см, зафиксированы следы ступеней предвходовой ямы [Богданов, Алкин, Нестеров, 1996, с. 23 – 24].

Тип 2. Наземные жилища представлены жилищами 5 и 7, сооруженными непосредственно на дре-

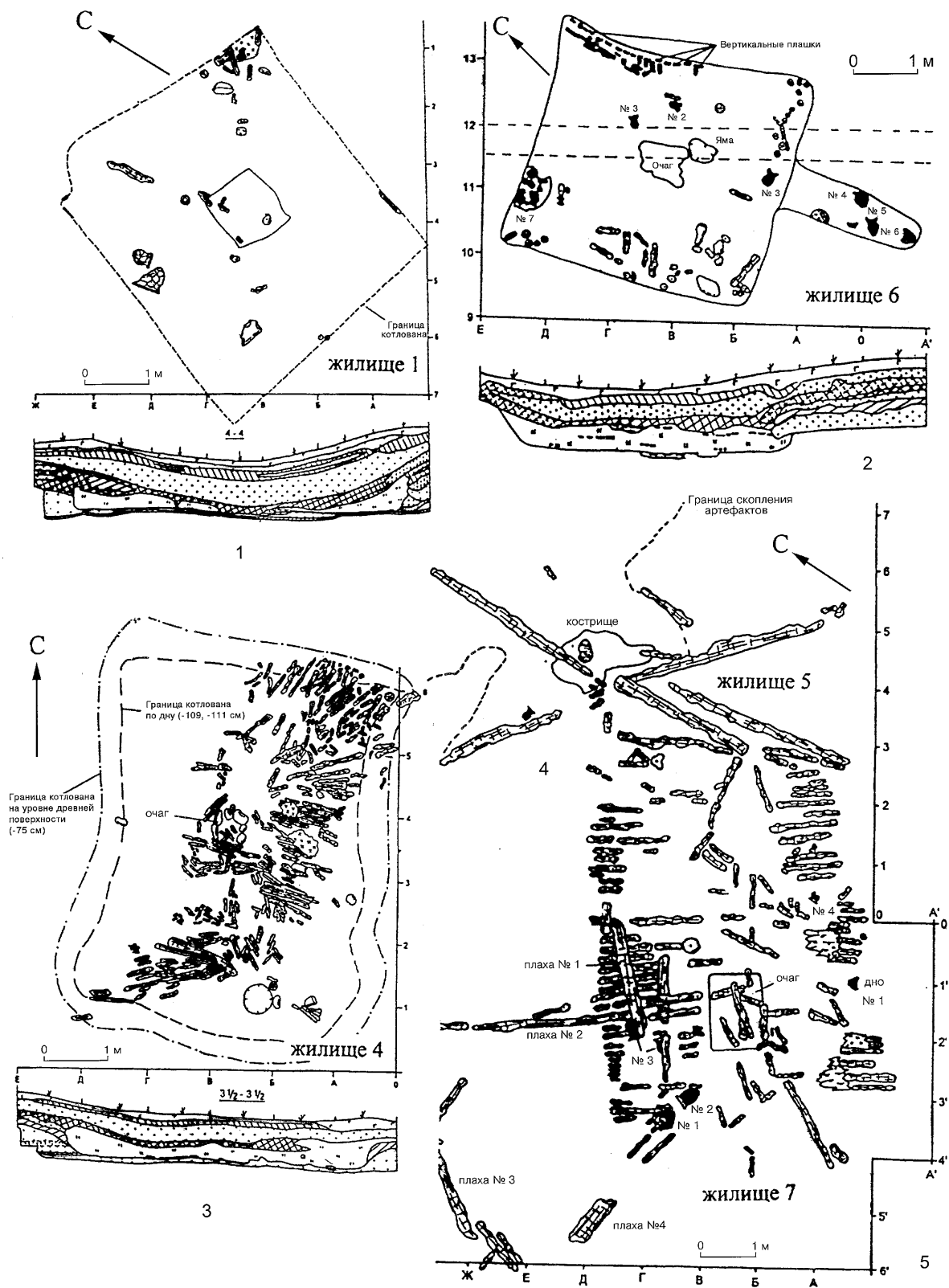

Рис. 2. Типы жилищ талаканской культуры.
1 – 3 – с котлованом; 4, 5 – без котлована.

Рис. 3. Жилище 6 на уровне пола.

Рис. 4. Жилище 7 на уровне пола.

ней дневной поверхности. Каждое из них также является собой отдельный подтип [Нестеров, Богданов, Алкин, 2000, с. 170 – 173].

Подтип 2.1. Конструкция жилища 5 состояла из четырех стропил, нижние концы которых упирались в землю, а верхние соединялись в пучок. Стропила ограничивали прямоугольное в плане пространство, размерами приблизительно 5×6 м. Перекрытие скатов съемное. Под пересечением четырех плах (стропил) в центре жилища было кострище аморфной формы (рис. 2, 4).

Подтип 2.2. Представлен прямоугольным в плане жилищем 7 (рис. 4). Его особенностью являются сооруженные вдоль длинных сторон нары. Они сдела-

ны из нетолстых бревнышек, уложенных поперек на продольные лаги. Очаг прямоугольной формы смещен от середины к одной из коротких сторон. По периметру он обложен плашками (рис. 2, 5).

По внутреннему устройству жилища 1, 4 и 6 похожи. Сосуды в них располагались вдоль стен или около очагов. В жилище 7 посуда стояла на нарах, ближе к торцевой (глухой) стене. Во всех жилищах недалеко от очагов лежали большие камни, вокруг которых на полу сосредоточивались артефакты. Камни у очага использовались, скорее всего, как сиденья.

Хотя некоторые жилые конструкции талаканской группы имели подквадратную форму, преобладали прямоугольные постройки. Прямоугольной в плане

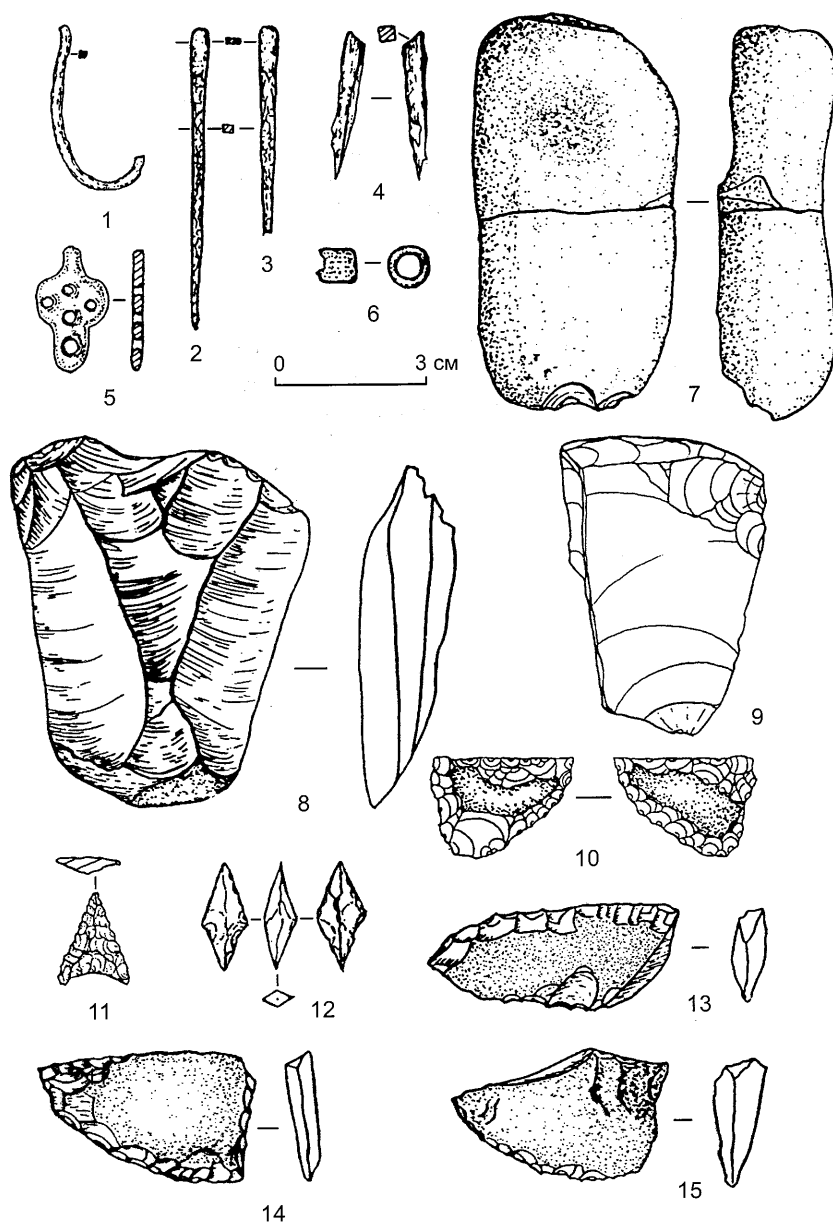

Рис. 5. Предметный комплекс талаканской культуры.

1 – железный крючок; 2, 3 – железные стержни; 4 – железное острие; 5 – бронзовое украшение; 6 – халцедоновая бусина; 7 – каменная наковальня; 8, 9 – каменные скребки; 11, 12 – каменные наконечники стрел; 10, 13 – 15 – каменные ножи.

была также конструкция в хозяйственной яме-погребе 4. Внутри глубокой ямы, выкопанной с уступом-ступенькой с уровня древней дневной поверхности, обитатели стоянки встроили деревянную раму, плахи которой уложили и укрепили при помощи колов на краю более узкой ямы. Через середину длинной стороны они проложили плаху (“конек”), служившую опорой перекрытия ямы. Поскольку плашки отсутствовали, видимо, перекрытие было из легкого материала – бересты, которая сгорела без остатка. Глубина погреба от уровня рамы до дна составляет около 1 м [Древности Буреи, 2000, с. 283, прил. 2, рис. 56].

Предметный комплекс

Предметный комплекс талаканской культуры представлен металлическими изделиями, каменными орудиями и керамической посудой.

Предметы из металла немногочисленны (рис. 5, 1 – 5). К ним относятся рыболовный крючок, кончик лезвия ножа (жилище 1), фрагмент проволоки и стержня (жилище 4), два железных острия (длина 5,7 см) в виде гвоздей или шиловидных наконечников стрел из жилища 6, бронзовая подвеска (найдена на самом дне западины, образовавшейся над жилищем 1). Предмет, подобный подвеске, известен по сборам на поселении раннего железного века Алексеевский Бугор на Амуре [Болотин, 1999, с. 113, рис. 4, 3].

Трасологический анализ каменного инструментария (табл. 1),

Таблица 1. Каменные инструменты из жилищ талаканской группы, %

Номер жилища	Скребок	Ложило	Наковаленка	Ретушер	Мясной нож	Отбойник	Терочник
1	44,4	33,3	11,1	11,1	–	–	–
4	70,8	12,5	4,2	–	4,2	4,2	8,3
5	10,5	68,4	5,3	10,5	–	5,3	–
6	64,7	17,7	17,7	–	–	–	–
7	23,8	23,8	14,3	4,8	19,1	14,3	–

Таблица 2. Параметры сосудов талаканского типа, см

Номер			Д _в	Д _д	Д _ш	Д _т	Н	Н _ш	Н _{пр.ч}	Т _с
жилища	сосуда	шлифа								
1	1	39	18 – 18,5	4,5 – 5	15,3	18,5 – 19	27,5	2	14	0,5
1	2	15	23,6 – 24,2	6,2 – 6,3	20	24,6 – 25,2	35	4	16	0,5
5	–	17	18 – 18,8	6,5 – 7,5	14 – 14,4	16	20	3	10,5	0,5
6	1	21	25,3	–	19,3	24,8	–	3,6	14	0,5
6	2	12	13,9 – 14,1	5,5 – 5,9	10,5 – 11	12	14,9	2,5	6,8	0,4
6	3	13	17 – 17,6	6,3 – 6,6	14,6	16,4 – 16,9	23,2 – 23,5	3,6	11	0,4 – 0,5
6	4	22	–	6,6	–	19,4	–	–	14	0,4 – 0,5
6	5	23	–	–	15	18	–	–	–	–
6	6	–	13,8 – 14,2	3,9 – 4,2	11,2 – 11,6	15,3 – 15,5	22,8	3,5	11	0,4 – 0,5
6	7	26	–	–	11,6	35,1	–	–	–	0,9 – 0,11
7	1	27	–	10,6	15,9	39,9 – 40	–	–	–	1,1
7	2	11	20,2 – 20,8	7 – 7,4	16,1 – 16,5	21,3 – 21,8	29,5	3	15	0,3
7	3	19	19,5	–	15,5	22,9	–	2,8	12	0,3 – 0,4
7	–	20	22,1	–	18,1	–	–	2,6	–	0,3 – 0,4
7	–	–	11	–	8	–	–	2,2	–	0,5

Примечание: Д_в – диаметр венчика, Д_д – диаметр дна, Д_ш – диаметр шейки, Д_т – наибольший диаметр по тулову, Н – высота сосуда, Н_ш – высота шейки, Н_{пр.ч} – высота придонной части, Т_с – толщина стенок.

проведенный д-ром ист. наук П.В. Волковым, позволил не только определить их функциональное назначение, но и составить их относительную сравнительную характеристику по отдельным жилищам (рис. 5, 6 – 15). Этот анализ также подтвердил сезонную направленность стоянки [Древности Буреи, 2000, с. 117 – 119].

Керамика поселения раннего железного века на памятнике Усть-Талакан представлена девятью целыми сосудами (табл. 2; рис. 6 – 8), а также многочисленными фрагментами верхних частей, донышек и стенок.

Отбор сырья и рецепты формовочных масс. Для изготовления сосудов обитателями стоянки Усть-Талакан использовалась гидрослюда монтмориллонитового состава, которая иногда включала незначительную долю примеси в виде кремнистого и мелкоалевритового обломочного материала, представленного в основном зернами кварца, полевых шпатов, редко – пластинками слюды (табл. 3). Данное исходное сырье, вероятно, развито по пепловому материалу, благодаря чему монтмориллонит приобрел особую “волокнистость”. Подобные глины являются очень “жирными” и требуют большого количества отошающей примеси: согласно петрографическим результатам, они составляют в данном случае 15 – 60%.

По материалам памятника зафиксировано два рецепта формовочных масс:

1) глина + породные обломки (89% керамики, изготовленной по этому рецепту);

2) глина + породные обломки + шамот (11%).

Среди обломков пород преобладают свежие и слабыветрелые граниты, зерна полевых шпатов и кварца гранитоидного облика. Меньше обломков микрокварцитов, слюды, кремнистых пород. Форма обломков угловатая, оскольчатая, неправильная, удлиненная

(средние размеры обломков от 0,01 до 2,0 мм, редко встречающиеся – 3,0 мм, преобладающие – от 0,1 до 0,3 – 0,7 мм). Шамот имеет такие же размеры. Содержание его в образцах единично. Органика не зафиксирована (см. табл. 3, шлифы № 11, 12, 15, 17, 20 – 24, 26, 27). Запасы глины на памятнике не обнаружены, поэтому идентификация глинистого месторождения невозможна. Однако, учитывая однородность талаканских керамических сосудов и средневековой керамики из этого же слоя по цветовой гамме, сходство их состава и структуры исходного сырья, можно предполагать использование древними и средневековыми гончарами близких по качеству месторождений глин, скорее всего, местных.

В Приамурье традиция применения в качестве отошителя породных обломков прослеживается с неолита [Мыльникова, 1999, с. 21 – 26]. Это было обусловлено, вероятнее всего, технологической целесообразностью: месторождения каменных строительных материалов, сосредоточенные преимущественно в южной части Хабаровского края и Амурской обл., разнообразны по петрографическому составу, степени тектонической нарушенности, выветрелости, имеют высокие технологические качества и доступны [Геология СССР, 1976, с. 189 – 203]. Угловатая и оскольчатая форма обломков может свидетельствовать о дроблении отошающей примеси. Скорее всего, перед введением в глину тщательно раздробленная порода не просеивалась. Для составления формовочных масс использовали малые и крупные по размерам (но не более 3 мм) обломки, что положительно сказывалось на качестве получаемой массы, в которой природные неглинистые примеси составляли не более 3 – 8%.

Формовка сосудов. По результатам визуального и бинокулярного анализов на памятнике выявлено два

Таблица 3. Данные петрографического анализа образцов керамики поселения Усть-Талакан

образца шлица	Номер			Состав цемента	Рецепт формовоч- ной массы	Добавки, %	Шамот, %	Породные обломки (фиксируемые, преобладающие), мм	Состав добавок породных обломков
	эпиглиж	сосуда	шфра						
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
11	7	2	2210	Гидрослюда монтморилло- нитового типа	Г+По	25	–	0,01 – 1,5 0,1 – 0,15	КВ, ПШ гранитоидного облика, биотит
12 (рис. 14, 6)	6	2	1504	Гидрослюда монтморилло- нитового типа + кремнистый материал (3%)	Г+По	40	–	0,02 – 2,0 0,18 – 0,25	КВ и ПШ гранитоидного облика; реже – обломки гра- нитов, микрокварцитов, кремнисто-слудистых пород;
13	6	3	1572	Гидрослюда монтморилло- нитового состава + кремни- стый материал (около 4%)	Г+По+Ш	15	Единично	0,05 – 1,25 0,08 – 0,2	редко – вулканическое стекло КВ, ПШ (гранитоидного облика), обломки гранитов, ок- варцованных андезитовых порфиров, микрокварци- тов, эпидота
15	1	1	584	Гидрослюда монтморилло- нитового типа по пелловому материалу	Г+По	50	–	0,01 – 2,0 0,15 – 0,5/0,5 – 0,8	Граниты, зерна ПШ и КВ гранитоидного облика
17 (рис. 14, 8)	5	–	1197	Гидрослюда монтморилло- нитового состава	Г+По	25	–	0,03 – 1,3 0,1 – 0,25	КВ, ПШ гранитоидного облика; редко – обломки гранита
19	7	3	2225	Монтмориллонитовый агре- гат по пелловому материалу	Г+По	20	–	0,01 – 1,0 0,1 – 0,25	КВ, ПШ гранитоидного облика, граниты
20	7	–	–	Гидрослюда монтморилло- нитового состава по пелло- вой основе	Г+По	30	–	0,01 – 1,5 0,1 – 0,5	Граниты, КВ, ПШ гранитоидного облика
21	6	1	1772	Гидрослюда монтморилло- нитового состава	Г+По	18	–	0,02 – 0,75 0,1 – 0,25	КВ, ПШ гранитоидного облика
22 (рис. 14, 7)	6	4	1501	То же	Г+По	30	–	0,05 – 1,3 0,15 – 0,3	КВ, ПШ, граниты, биотит
23 (рис. 14, 3)	6	5	1502	»	Г+По	40	–	0,02 – 1,25 0,08 – 0,4	КВ, ПШ гранитоидного облика; меньше – микро- и мак- ро-кварциты, граниты, кремнистые породы, слюды; еди- ничен эпидот
24 (рис. 14, 4)	6	–	–	»	Г+По	50	–	0,01 – 1,3 0,05 – 0,5	КВ, ПШ гранитоидного облика; меньше – граниты, мик- ро-кварциты, кремнистые обломки; единично – пиро- ксен, слюды, литонитизированный агнетит, шпинель
26	6	7	1704	Гидрослюда монтморилло- нитового состава по пелло- вому материалу	Г+По+Ш	60	Единично	0,02 – 1,5 0,08 – 0,7	Кварцевые кератофиры, КВ, ПШ, граниты, слюды, маг- нетит, амфибол, биотит, вулканическое стекло
27 (рис. 14, 5)	7	1	2212	Гидрослюда монтморилло- нитового состава	Г+По	45	–	0,025 – 1,3 0,07 – 0,8	Кварцевый кератофирит, ПШ, анатаз, пироксен, биотит
32	1	–	–	»	Г+По	30	–	0,03 – 1,3 0,05 – 0,5	Граниты, кремнисто-слудистые обломки, пироксен, турмалин
33 (рис. 14, 2)	1	фр-т	582	Гидрослюда монтморилло- нитового состава + мелко- алевритовый материал (8%)	Г+По	20	–	0,03 – 0,6 0,1 – 0,3	КВ, ПШ; реже – микрокварциты, кремнистые, слюдис- то-кремнистые обломки; редко – биотит, лимонитизи- рованные обломки, эпидот
39 (рис. 14, 1)	1	2	587	Гидрослюда монтморилло- нитового состава по пелло- вому материалу	Г+По	28	–	0,02 – 2,0 0,08 – 0,7	КВ, ПШ гранитоидного облика; меньше – микрокварци- ты, граниты, кремнистые породы, слюды; единично – эпидот

Примечание: КВ – кварц, ПО – породные обломки, ПШ – полевошпат, Ш – шамот, Г – глина.

способа формовки сосудов: 1) выдавливание из одного комка глины, 2) наращивание изделий ленточно-кольцевым налепом.

Очень маленькие изделия выдавливали из одного комка глины. Найдено два таких сосуда. Их формовка производилась на плоской основе, поэтому сосудики имеют плоское основание. Для подобных емкостей характерно приподнятое дно, немного раздутое тулово при округлой (в разрезе) внутренней поверхности (см. рис. 6, 10, 11).

Основная масса изделий формовалась ленточно-кольцевым налепом (рис. 9, а; 10, а). На внутренней (а иногда и на внешней) поверхности сосудов четко фиксируются горизонтальные вмятины (“швы”) – места соединения лент. По сосудам, распавшимся по линии сшая, определено, что их части соединялись друг с другом “внахлест” или “встык” – края лент имеют или не имеют скос. Изделие обычно выводилось из пяти-девяти лент (шириной 3,5–5 см каждая). Толщина стенок сосудов колеблется от 0,3 до 0,7 см.

Способ ленточно-кольцевого налета при формовке не требует дополнительных операций по приданию формы изделию. Толщина стенок задается уже при формовке лент, а форма – определенным наклоном лент в ту или другую сторону при соединении их друг с другом. На отдельных сосудах (30–40%) четко фиксируются следы выбивки тулова (рельефные вмятины на внутренней поверхности) при помощи наковальни и лопаточки. Инструмент, скорее всего, двигался в горизонтальном направлении, но иногда, судя по расположению ложбин, и хаотично. Наконьной, вероятно, служила галька. Лопатка имела ровную гладкую поверхность; лишь в одном случае ее рабочая поверхность имела квадратные ячейки, следы которых были затерты последующей обработкой поверхности сосуда (рис. 11, 2, 4). При петрографическом исследовании результаты выбивки фиксируются в виде нечетко выраженной микрослоистой структуры цемента.

Чаще всего (80% случаев) сосуд собирали из двух частей: верхней и нижней (см. рис. 10, 11). Верхняя часть состояла из горловины и двух-трех лент тулова, нижняя – из дна и трех-четырех лент придонной части тулова, в зависимости от размеров изделия. Горловину делали

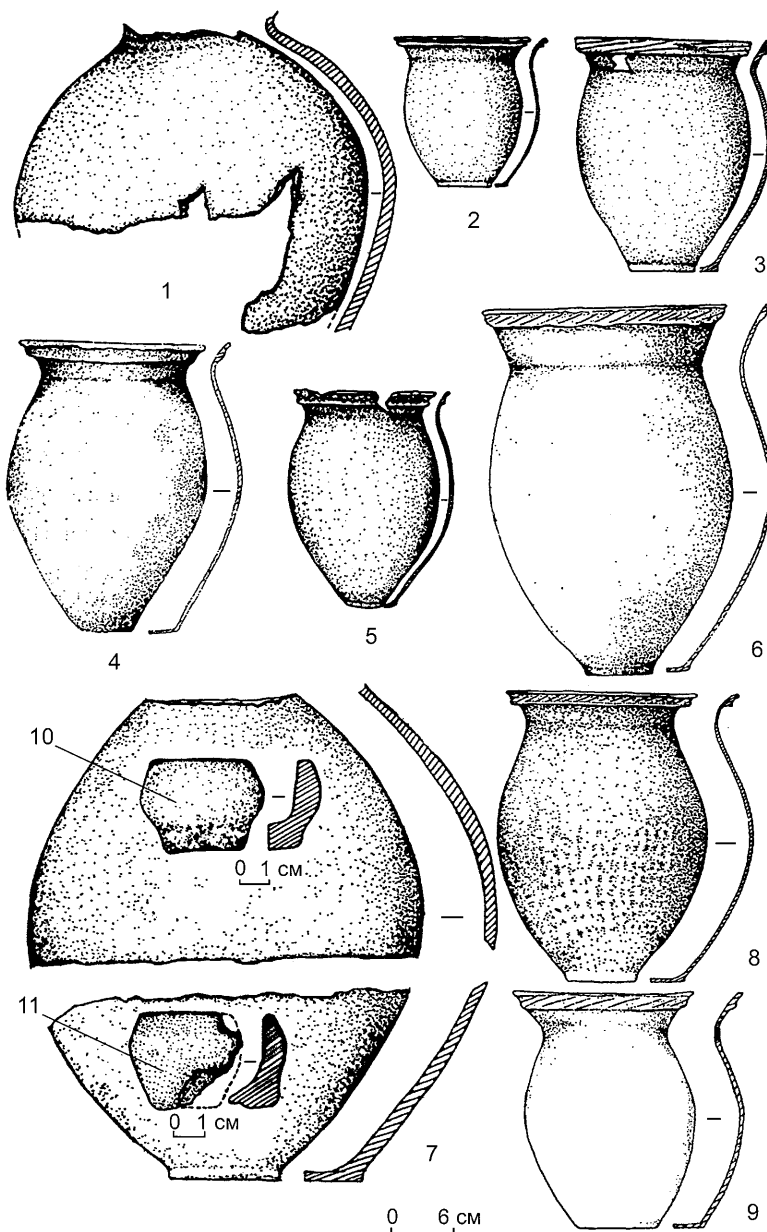

Рис. 6. Сосуды талаканской культуры.
1 – 3, 5, 10 – жилище 6; 4, 6 – жилище 1; 7, 8, 11 – жилище 7;
9 – жилище 5.

широкой (широтноголовинный указатель 0,78–1,0), средне- или сильнопрофилированной (указатель профилировки шейки 0,34–0,82). Она представляла собой цельную ленту-кольцо (высота 2,5–4,5 см), насаженную на ленту, которая была призвана формировать тулово, “встык” или “внахлест”.

Все сосуды памятника Усть-Талакан имеют хорошо разработанные структурные формы и средние показатели высоты (15–35 см), поэтому при ленточно-кольцевом способе формовки принцип сборки из двух частей представля-

Рис. 7. Сосуды из жилища 1.

Рис. 8. Сосуд № 2, найденный на полу жилища 6.

ется нерациональным. Он более характерен для сосудов высотой более 50 см и высоким указателем широтности.

При характеристике гончарных традиций важно учитывать особенности оформления в процессе лепки донной и устьевой частей (контур, форма дна и венчика) сосуда, которые служат индикаторами культурного своеобразия керамических комплексов [Shepard, 1965, p. 224 – 248; Неолит юга Дальнего Востока, 1991, с. 126 – 127].

Все сосуды памятника плоскодонные. Формовка дна производилась двумя способами: 1) на основе ле-

пешки, соединенной с первой нижней лентой “в торец” сбоку или сверху (см. рис. 10, б); 2) на основе чашечки (см. рис. 9, б; 11). Отмечены два способа изготовления сосудов на основе чашечки: а) выдавливание из одной порции глины; б) формовка из ленты, замкнутой в круг, отверстие которого заделывалось отдельным комочком глины. Формовка осуществлялась на жесткой (см. рис. 10, б) или мягкой (рис. 12, в) подставке. Основание получалось либо ровное с острым углом при переходе дна в тулово, либо выпуклое, с заovalенным переходом. Зафиксированы также сосуды, донышки которых сформова-

Рис. 9. Образцы формовки тулова ленточно-кольцевым налепом (а) и дна на жесткой основе (чашечка на основе ленты) (б). Сосуд № 2 из жилища 6.

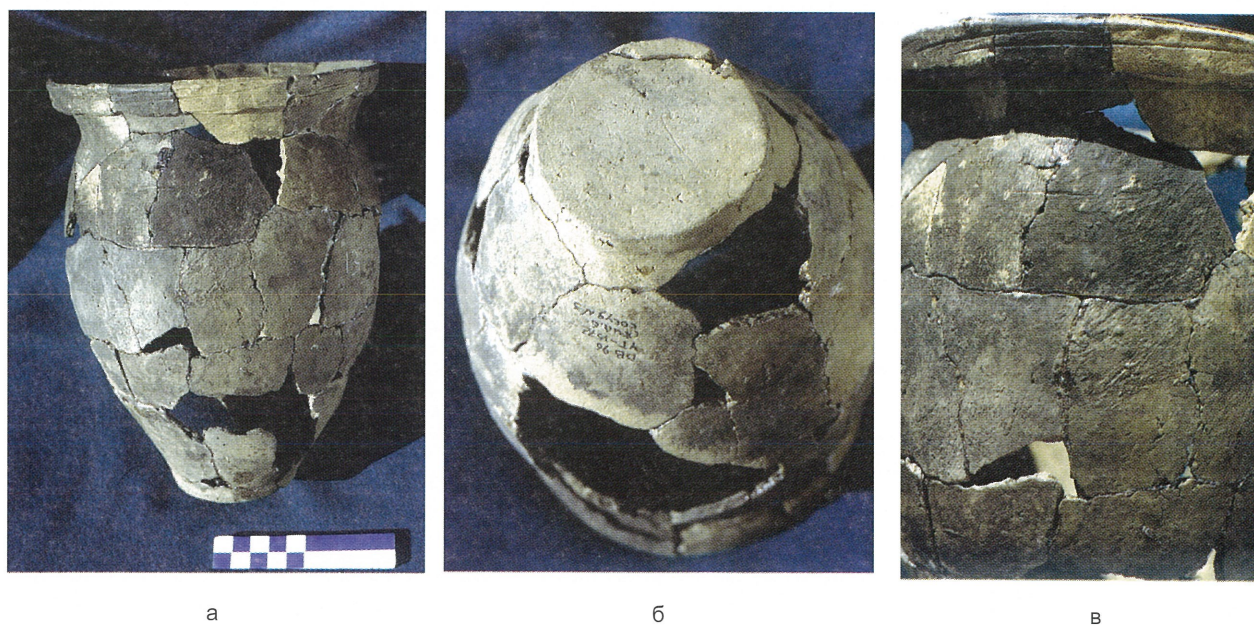

Рис. 10. Образцы формовки тулова ленточно-кольцевым налепом (а), дна на основе лепешки и на жесткой основе (б) и обработки поверхности твердым орудием и замывкой (в). Сосуд № 3 из жилища 6.

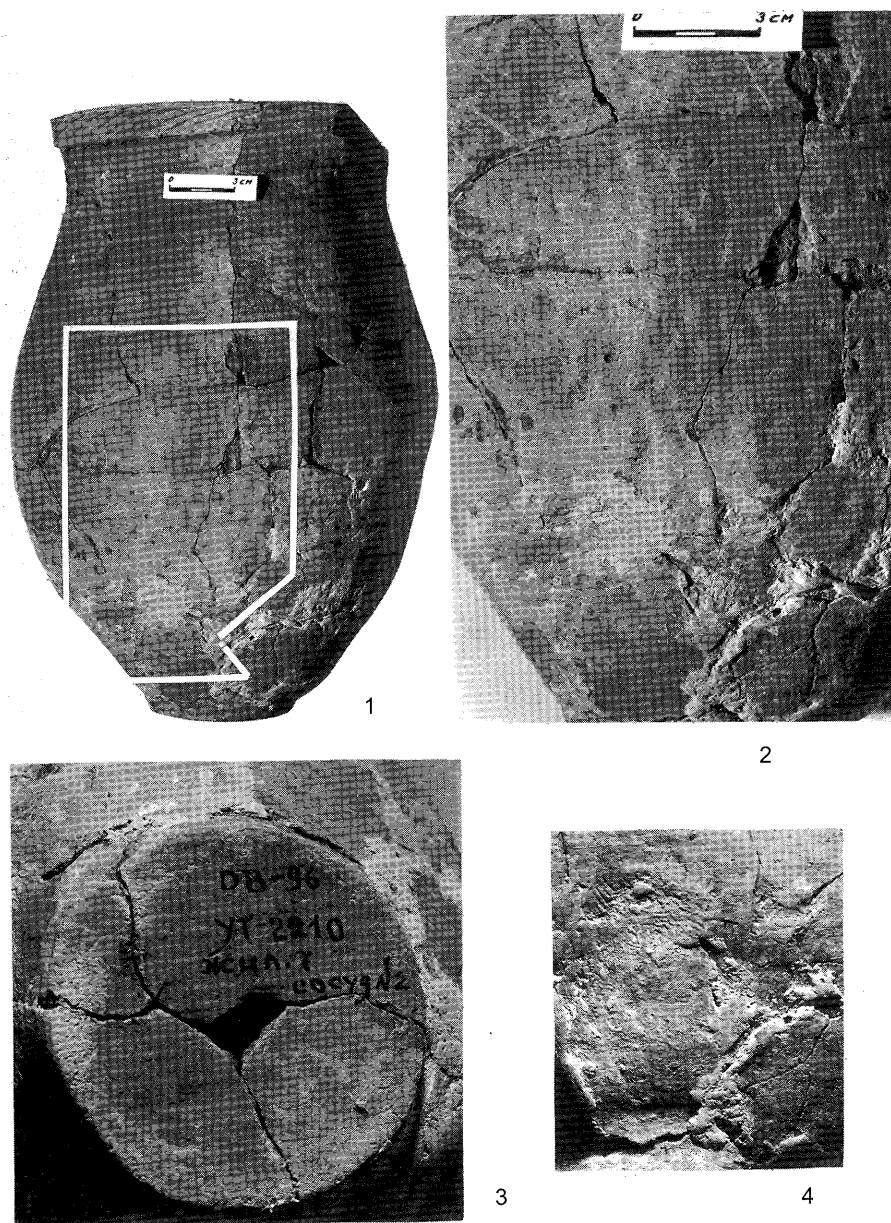

Рис. 11. Сосуд № 2 из жилища 7 (1), следы обработки поверхности выбивкой (2, 4), образец формовки дна на основе чашечки из ленты (3).

ны на подставке с подсыпкой. Эти сосуды широкодонные (указатель ширины дна 0,25 – 0,51), с туловом яйцевидных очертаний (угол расширения стенок составляет 11 – 13°).

В целом, оформление дна сосудов талаканского типа на памятнике Усть-Талакан нельзя считать выдержанным в рамках единой традиции.

Техника лепки венчиков проста и едина для всего комплекса. У 90% изделий с внешней стороны (ниже среза на 2 – 3 мм) подлепливали ленту-валик шириной до 1,5 см. Ее верхний и нижний края мастер, разглаживая пальцами, фиксировал на горлови-

не, отчего в разрезе лента-валик имела форму треугольника. В редких случаях (10%) валик формировался из той же ленты, что и венчик. Как правило, на ленту-валик наносили декор.

Обработка поверхности изделий включала несколько операций:

1) отделку твердым инструментом (деревянной лопаткой или щепой). Все сосуды имеют на поверхности следы в виде параллельных или разнонаправленных неглубоких рисок, сгруппированных в ряды определенной ширины (до 4 – 6 см) (см. рис. 10, в; 12, б);

2) заглаживание руками. Следы папиллярных линий четко прослеживаются на верхней части сосудов;

3) замывку (рис. 10, в). Фиксируется в виде комочков глины и некоторой шероховатой поверхности;

4) лощение изделий твердым инструментом (галькой?) и полировку.

В обработке поверхности сосудов обитателями стоянки Усть-Талакан прослеживается одна особенность – небрежность. Она больше характерна для внешней поверхности. Видимо, после обработки твердым инструментом стенки даже не заглаживались. Внутренняя поверхность отделялась тщательнее. Чтобы достиг-

нуть большей водонепроницаемости, ее часто хорошо заглаживали и подлощивали. Лощение, отмеченное на 50% изделий, совершалось твердым инструментом – лощильным камнем, который оставлял на поверхности короткие, ровные, чуть поблескивающие полосы определенной ширины с овальным неглубоким ложем. Его нельзя назвать хорошим, скорее, низкого качества. Другой операцией была полировка изделий мягкой кожей или руками (дает схожий эффект).

Следует отметить, что на памятнике обнаружены два изделия, обработка поверхности которых отлича-

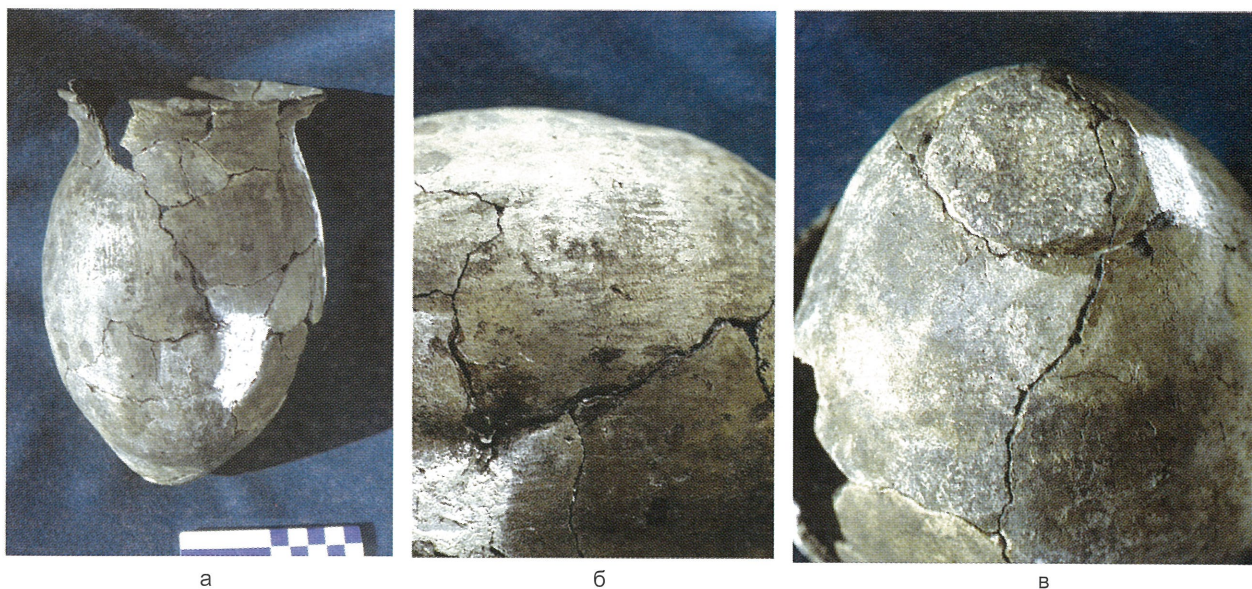

Рис. 12. Образцы формовки тулова ленточно-кольцевым налепом (а), обработки поверхности твердым орудием (б) и формовки дна на мягкой основе (в). Сосуд № 6 из жилища 6.

Рис. 13. Фрагмент орнамента на ленте-венчике. Памятник Букинский Ключ-1.

ется особой тщательностью. Сосуд № 7 из жилища 6 (см. рис. 6, 1) черного цвета, с хорошим лощением наружной поверхности поверх дополнительного слоя ангоба. Ангоб покрывал также и внутреннюю поверхность. Коричнево-черный сосуд № 1 из жилища 7 (см. рис. 6, 7) также имеет следы лощения каменным орудием по ангобу.

Обжиг. Более 50% сосудов памятника побывали в пожаре и пережжены. Остальная посуда имеет явные следы кострового обжига: пятна на поверхности, слоистость (по цвету) излома, темно-серая или черная середина излома при светлых краевых участках. Несмотря на использование простейшего устройства для обжига, гончары умело управляли этим процессом. Им были известны принцип окислительного обжига с получением посуды терракотовых тонов

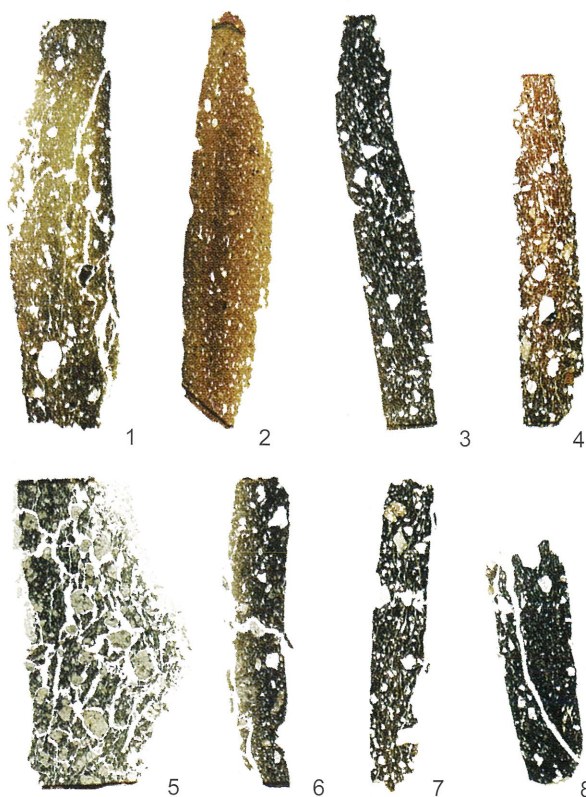

Рис. 14. Шлифы керамических сосудов.
1 – № 39, 2 – № 33, 3 – № 23, 4 – № 24, 5 – № 27, 6 – № 12,
7 – № 22, 8 – № 17.

(большая часть изделий, не побывавших в сильном огне), операция дымления (сосуды имеют черный цвет), а также варианты поведения сосудов, установленных на дно или вверх дном, при обжиге в костре.

Таблица 4. Указатели форм сосудов талаканской культуры*

Номер			Высотный указатель	Высотно- горловинный указатель	Широтно- горловинный указатель	Профи- лировка шейки	Высотный указатель тулова	Высотный указатель плечика	Указатель выпуклости плечика	Указатель ширины дна	Указатель отноше- ния диаметра дна к диаметру венчика
жилища	сосуда	шлифа									
1	1	15	1,4 высокий	0,21 очень низкогорлый	0,88 широко- горлый	0,5 среднепрофи- лированная	1,2 вытянутое	0,66 средней высоты	0,21 слабо- выпуклое	0,25 широко- донный	1:4,0
1	2	39	1,47 высокий	0,13 очень низкогорлый	0,89 широко- горлый	0,67 сильнопрофи- лированная	1,37 вытянутое	0,86 средней высоты	0,17 выпуклое	0,51 широко- донный	1:4,0
5	–	17	1,25 высокий	0,21 очень низкогорлый	1 широко- горлый	0,66 сильнопрофи- лированная	1,06 округлое	0,8 средней высоты	0,13 очень слабо- выпуклое	0,5 широко- донный	1:2,8
6	1	21	–	0,19 очень низкогорлый	0,88 широко- горлый	0,82 сильнопрофи- лированная	–	–	–	–	–
6	2	12	1,15 высокий	0,23 очень низкогорлый	1 широко- горлый	0,6 сильнопрофи- лированная	1 округлое	0,55 средней высоты	0,22 слабо- выпуклое	0,38 широко- донный	1:2,3
6	3	34	1,35 высокий	0,24 очень низкогорлый	0,94 широко- горлый	0,34 среднепрофи- лированная	1,25 вытянутое	0,67 средней высоты	0,13 очень слабо- выпуклое	0,42 широко- донный	1:2,7
6	6	–	1,53 высокий	0,23 очень низкогорлый	1 широко- горлый	0,6 сильнопрофи- лированная	1,4 вытянутое	0,75 средней высоты	0,22 слабо- выпуклое	0,45 широко- донный	1:3,5
7	1	27	–	–	–	–	0,9 округлое	0,73 средней высоты	0,75 средне- выпуклое	1,41 узкодонный	–
7	2	11	1,43 высокий	0,19 очень низкогорлый	0,82 широко- горлый	0,66 сильнопрофи- лированная	1,05 округлое	0,8 средней высоты	0,08 очень слабо- выпуклое	0,47 широко- донный	1:2,8
7	3	19	–	0,18 очень низкогорлый	0,78 широко- горлый	0,71 сильнопрофи- лированная	–	–	–	–	–

*Таблица указателей форм сосудов и их относительные величины составлены по: [Генинг, 1973, с. 114 – 125].

Таблица 5. Результаты радиоуглеродного датирования объектов талаканского типа на памятнике Усть-Талакан

Объект, материал	Год раскопок	Индекс лаборатории	Абсолютная дата, л.н.	Калиброванная дата	
				$\pm 1\sigma$	$\pm 1\sigma$
Жилище 1, уголь	1993	СОАН-3192	1650 $\pm$ 40	342 – 428 гг. н.э.	256 – 294, 324 – 454, 480 – 530 гг. н.э.
уголь береста		СОАН-3189	1640 $\pm$ 25	388 – 426 гг. н.э.	342 – 436 гг. н.э.
		СОАН-3281	1960 $\pm$ 60	40 г. до н.э. – 88 г. н.э., 100 – 110 гг. н.э.	110 г. до н.э. – 142 г. н.э., 166 – 190, 192 – 200 гг. н.э.
Жилище 4, уголь	1994	СОАН-3282	1810 $\pm$ 35	140 – 172, 178 – 236 гг. н.э.	122 – 256, 294 – 322 гг. н.э.
		СОАН-3283	1715 $\pm$ 35	254 – 296, 322 – 350, 356 – 380 гг. н.э.	244 – 400
Яма-погреб 4, уголь	1994	СОАН-3285	1905 $\pm$ 35	62 – 128 гг. н.э.	14 – 144, 164 – 206 гг. н.э.
Жилище 5, уголь	1995	СОАН-3539	2360 $\pm$ 110	760 – 680; 660 – 630, 600 – 570, 560 – 370, 280 – 270 гг. до н.э.	790 – 340, 330 – 200 гг. до н.э.
		ГИН-8616	1880 $\pm$ 40	72 – 142; 166 – 190; 196 – 200 гг. н.э.	28 – 40, 54 – 228 гг. н.э.
Жилище 6, уголь	1996	СОАН-3638	2100 $\pm$ 25	168 – 132, 128 – 106 гг. до н.э.	194 – 88, 64 – 58 гг. до н.э.
»		СОАН-3639	2345 $\pm$ 30	460 – 456, 410 – 388 гг. до н.э.	512 – 430, 414 – 384 гг. до н.э.
»		СОАН-3745	2780 $\pm$ 30	990 – 954, 940 – 906 гг. до н.э.	1002 – 894, 880 – 846 гг. до н.э.
Жилище 7, уголь	1995 1996	СОАН-3540	2350 $\pm$ 30	466 – 448, 410 – 390 гг. до н.э.	514 – 428, 416 – 388 гг. до н.э.
»		СОАН-3640	2170 $\pm$ 40	356 – 290, 250 – 182 гг. до н.э.	370 – 272, 268 – 156, 146 – 116 гг. до н.э.
»		СОАН-3746	2580 $\pm$ 30	806 – 784 гг. до н.э.	816 – 764, 676 – 666, 620 – 608 гг. до н.э.
Фрагмент польцевского сосуда, нагар	1994	АА-17214	1962 $\pm$ 52	36 г. до н.э. – 82 г. н.э.	100 г. до н.э. – 128 г. н.э.

Форма керамических сосудов. Все изделия на памятнике относятся к классу сосудов с горловиной, подклассу плоскодонных, группе открытых форм, в пределах которой можно выделить три морфологических типа и несколько подтипов.

Тип 1. Высокие горшки с округлым туловом. Указатель высотности тулова у таких изделий равен 0,9 – 1,06: сосуды из жилища 5 (см. рис. 6, 9), сосуд № 2 из жилища 6 (см. рис. 6, 2), сосуды № 1, 2 из жилища 7 (см. рис. 6, 7, 8; табл. 4). Среди изделий этого типа по высотно-горловинному указателю выделяются: подтип 1 – с горловиной средней высоты (см. рис. 6, 2, 8); подтип 2 – с высокой (см. рис. 6, 9) горловиной.

Тип 2. Высокие горшки с вытянутым туловом (указатель высотности тулова 1,2 – 1,4) также можно разделить на два подтипа: 1) с горловиной низкой (см. рис. 6, 6) и 2) средней (см. рис. 6, 3, 4).

Сосуды выделенных типов очень похожи. Прямой венчик имеет округлые очертания, иногда отогнут на-

ружу. Точка максимального диаметра расположена посередине тулова. Под венчиком есть лента-валик. В создании формы сосудов выдерживаются некоторые пропорции: увеличение высоты сосуда ведет к увеличению максимального диаметра. Это соотношение ($H:D_v$) выдержано и равно 1,15 – 1,53. Отношение диаметра венчика к максимальному диаметру ($D_v:D_t$) составляет 0,93 – 1,16. При этом не выдерживается соотношение диаметров дна и венчика ($D_d:D_v$), оно изменяется от 1:4 до 1,0: 2,3, а соотношение высоты сосуда и диаметра дна ($H:D_d$) – от 1,0:2,5 до 1,0:5,8.

Тип 3. Сосуды с раздутым сферическим туловом. Найдено два изделия этого типа, полную форму которых восстановить не представляется возможным (см. рис. 6, 1). Несомненно, подобные изделия имели большую высоту (максимальный диаметр тулова преобладал над диаметром горловины в 2,5 раза, а над диаметром венчика – в 3,6 раза). Именно сосуды данного типа отличаются от других тщательностью обработки поверхности.

У 85% керамических изделий Усть-Талакана при визуальном исследовании обнаружены нагар и копоть на внутренней и внешней поверхностях в верхней трети сосуда (см. рис. 10), что свидетельствует об их кухонном применении. Скорее всего, в посуде готовили жидкую пищу (каши и супы). Встречаются изделия со следами ремонта. Есть примеры вторичного использования посуды (например, два фрагмента сосуда № 1 из жилища 7; см. рис. 6, 7).

Орнаментация посуды представлена лишь лентой-венчиком, которая могла быть: а) простой, неорнаментированной (23%); б) рассеченной однонаправленными линиями с наклоном вправо (50%); в) рассеченной наклонными разнонаправленными линиями (23%); г) рассеченной ямками округлой формы (самый редкий вариант – 4%). Найден фрагмент венчика, у которого на утолщенном нижнем крае ленты торцом лопаточки (2 × 12 мм) нанесены глубокие вдавления; вмятины, расположенные по отношению друг к другу под углом примерно 90°, образуют зубчатый орнамент; между двумя соседними пиками тонкой палочкой нанесены наколы (диаметр 2 мм) (рис. 13).

Зафиксированы пока только три технических приема орнаментации талаканской керамики: налеп, прочерчивание и тиснение. Их сочетание в орнаментальной композиции наблюдается в 77% случаев, но главным является налеп.

Подводя итог исследования керамического комплекса стоянки Усть-Талакан, необходимо подчеркнуть, что характерные для памятника технические приемы изготовления посуды появились в предшествующих культурах. Так, приемы подготовки сырья (дробление), составления формовочных масс (глина + породные обломки), обработки поверхности изделий заглаживанием, лощением (полировка) и обмазкой фиксируются с эпохи неолита до раннего железного века. Прием ленточно-кольцевого налёпа вообще является ведущим для гончарства всех эпох Дальневосточного региона. Различия в долях добавок в глиняное тесто объясняются характером исходного сырья и свидетельствуют о большом предшествующем опыте гончаров Усть-Талакана.

На памятнике смешались разные гончарные традиции, о чем можно судить по донышкам сосудов, изготовленным разными способами, по применению выбивки при ленточно-кольцевом способе формовки тулова, отсутствию очень высоких форм при отработанной технологии их сбора (из двух частей). Талаканская керамика имеет следующие специфические признаки: угол отгиба дна в 11 – 13°, яйцевидная форма тулова, оформление венчиков лентой-валиком и скудость орнаментации.

Хронология жилищ талаканского типа

Для объектов талаканского типа получена серия радиоуглеродных дат (табл. 5), которые укладываются между X – началом IV вв. до н.э. и IV – V вв. н.э. Большинство абсолютных дат при калибровке дают несколько временных отрезков. Таким образом, датирование образцов по ^{14}C не позволяет однозначно оценить внутреннюю хронологию жилищ, но вполне определенно свидетельствует об их принадлежности к раннему железному веку (в основном к его второму периоду), который в Восточном Приамурье представлен польцевской культурой.

Для жилищ 5 – 7 есть два варианта дат. С учетом первого время существования этих жилищ соответствует концу V – началу IV в. до н.э. Это хорошо соотносится с последовательностью сооружения конструкций: 6 – 7 – 5, но при этом из схемы выпадает расположенная вплотную к ним яма-погреб 4, хотя в ней, как и в жилищах 5 и 7, найдены ретушированные нож и остроконечник. Согласно другому варианту, время существования жилищ 6 и 7 относится ко II в. до н.э., а конструкции 5 – к I – II вв. н.э., но при этом жилище 5 синхронизируется с ямой-погребом 4, выдерживается их внутренняя хронология и становятся соотносимыми с ними даты находящихся в стороне от них жилищ 1, 4 и фрагмента польцевского сосуда с плечика котлована жилища 4.

Заключение

В жилищах стоянки Усть-Талакан обнаружены предметы (ретушированные каменные ножи, острие, наконечники стрел), которые имеют аналоги среди артефактов, относящихся как к урийской, так и к польцевской культуре раннего железного века [Деревянко А.П., 1973, 1976]. Учитывая, что в Западном Приамурье пока не найдены памятники польцевской культуры*, можно предположить, что талаканцы генетически (?) связаны с поздними представителями урийской культуры. Так на р. Бурея на стоянке урийской культуры Малые Симичи

* В 1997 г. благовещенские археологи исследовали практически разрушенный памятник на оз. Яма у с. Сергеевка, который по найденным здесь сосуду типа яйё и их фрагментам отнесли к польцевской культуре [Болотин, Сапунов, Зайцев, 1997, с. 156; Болотин, 1999, с. 110, рис. 1, 1, 2]. В жилищах 6 и 7 памятника Усть-Талакан вместе с горшками талаканского типа найдены крупные фрагменты больших сосудов, которые также можно отнести к керамике яйёского типа (см. рис. 6, 1, 7). В целом же вопрос о прародине яйёской керамики и о ее распространении на Дальнем Востоке и в Маньчжурии является дискуссионным [Деревянко Е.И., 1998, с. 239].

в кровле культурного слоя, содержащего урильские материалы, обнаружены фрагменты только талаканской посуды. На памятнике Сухие Протоки-2 среди керамических фрагментов от 30 сосудов, датированных постурильским временем, 40,9% (фрагменты примерно 12 сосудов) составляют обломки посуды талаканской культуры. На многослойных памятниках Сухие Протоки-2 и Букинский Ключ-1 зафиксированы слои урильской культуры и эпохи средневековья. В средневековом слое найдена керамика и талаканского, и михайловского типов. На михайловской стоянке Большие Симичи талаканская керамика встречается в переотложенном состоянии, как и на Михайловском городище на р. Завитой [Деревянко Е.И., 1975, с. 213 – 214; Дьякова, 1984, с. 84 – 85, 185]. И наконец, на стоянке Безумка впервые зафиксирован стерильный песчаный слой между слоем урильской культуры и слоем с талаканской керамикой, хотя в последнем встречено несколько фрагментов михайловской керамики [Нестеров, Алкин, Богданов, 1997, с. 262 – 263]. Это дает надежную относительную хронологию культур железного века и средневековья в Западном Приамурье: урильская – талаканская – михайловская.

Сейчас можно говорить о том, что талаканская культура развивалась синхронно с польцевской, но на разных территориях: первая – к западу от Малого Хингана, вторая – к востоку от этого хребта. По новейшим радиоуглеродным данным [Нестеров, Кузьмин, 1999, с. 142, табл. 1], верхняя граница урильской культуры определяется V в. до н.э. (407 – 393 гг. до н.э. – поздний комплекс Кочковатки), а радиоуглеродные даты жилищ 5 – 7 стоянки Усть-Талакан (согласно первому варианту) также позволяют отнести их к самому концу V – началу IV в. до н.э. Это сближает финал урильской культуры с возможным началом талаканской культуры. При дополнительном подтверждении данного варианта хронологии мы можем получить непрерывную цепочку развития археологических культур в этом районе Приамурья. В противном случае, при втором варианте датирования (II в. до н.э. – III в. н.э.), между финалом урильской культуры и талаканской группой памятников будет существовать хронологическая лакуна в два-три века. Тогда будет логично предположить, что в Западном Приамурье урильская культура в V в. до н.э. не прекратила своего существования, а продолжала развиваться в IV – II вв. до н.э., когда ей на смену пришла талаканская.

Благодарность

Выражаем искреннюю благодарность и признательность канд. ист. наук В.П. Мыльникову за помощь в оформлении работы цветными фотографиями.

Список литературы

Богданов Е.С., Алкин С.В., Нестеров С.П. Исследования на стоянке Усть-Талакан в 1996 г. // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Материалы IV Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1996 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 23 – 25.

Болотин Д.П., Сапунов Б.С., Зайцев Н.Н. Новые памятники раннего железного века на Верхнем Амуре // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы V Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, посвященной 40-летию Сибирского отделения РАН и 30-летию Института истории, филологии и философии СО РАН. Декабрь 1997 г. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. – Т. 3. – С. 155 – 159.

Болотин Д.П. Проблемы генезиса михайловской культуры Приамурья // Традиционная культура востока Азии. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 1999. – Вып. 2. – С. 109 – 120.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. – № 1. – С. 114 – 135.

Геология СССР. – 1976. – Т. 19. – 453 с.

Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1973. – 356 с.

Деревянко А.П. Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). – Новосибирск: Наука, 1976. – 384 с.

Деревянко Е.И. Мохэские памятники на Среднем Амуре. – Новосибирск: Наука, 1975. – 250 с.

Деревянко Е.И. Стоянка Дунсин в Хэйлунцзяне и польцевская культура на Амуре // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1998 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 4. – С. 235 – 239.

Джалл Э.Дж.Т., Орлова Л.А., Нестеров С.П., Кузьмин Я.В. Радиоуглеродное датирование пищевого нагара на керамике // Гум. науки в Сибири. – 1996. – № 3. – С. 30 – 32.

Древности Бурей / С.П. Нестеров, А.В. Гребенщиков, С.В. Алкин, Д.П. Болотин, П.В. Волков, Н.А. Кононенко, Я.В. Кузьмин, Л.Н. Мыльникова, А.В. Табарев, А.В. Чернюк. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 352 с.

Дьякова О.В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник IV – X вв. – М.: Наука, 1984. – 206 с.

Нестеров С.П., Кузьмин Я.В. Периодизация культур раннего железного века и средневековья Приамурья // Традиционная культура востока Азии. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 1999. – Вып. 2. – С. 140 – 152.

Нестеров С.П., Алкин С.В., Богданов Е.С. Исследования на памятниках Букинский Ключ-1 и Безумка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы V Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, посвященной 40-летию Сибирского отделения РАН и 30-летию Института истории, филологии и философии СО РАН. Декабрь 1997 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. 3. – С. 258 – 264.

Нестеров С.П., Богданов Е.С., Алкин С.В. Охранные раскопки на стоянке Усть-Талакан // Обзорные результа-

тов полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000. – С. 170 – 173.

Мазин А.И. Таежные писаницы Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1986. – 260 с.

Мыльникова Л.Н. Гончарство неолитических племен Нижнего Амура (по материалам поселения Кондон-Почта). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. – 160 с.

Неолит юга Дальнего Востока. Древнее поселение в пещере Чертовы Ворота. – М.: Наука, 1991. – 225 с.

Чжан Вэй, Фань Чжуньцзэ, Сунь Шиминь. Краткий отчет о поиске памятников материальной культуры на правом берегу р. Хэйлунцзян от у. Цзяинь до Тайпингоу в уезде Лобэй // Бэйфан вэнью. – 1997. – № 2. – С. 33 – 39 (на кит. яз.)

Shepard A.O. Ceramics for the archaeologist. – Wash., 1965. – 350 p.

Материал поступил в редколлегию 19.04.2001 г.